

ЯНА ГРУЗДЕВА

*Колыбельная для
имаго*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Груздева

Колыбельная для имаго

«Автор»

2026

Груздева Я.

Колыбельная для имаго / Я. Груздева — «Автор», 2026

В мире, опустошённом ядерной войной, последние люди нашли убежище в горном бункере. Они построили свою жёсткую биологическую модель общества — Улей. Рождаемость здесь — священный долг: безымянные мужчины служат лишь биоматериалом, а женщины изнурены тяжёлым трудом. Во главе стоит Королева-мать. В мире вечной тьмы, где дети созревают в инкубаторах, а воздух фильтруется от радиации, индивидуальность подавляется ради выживания. Эта система казалась незыблемой, пока не вспыхнул бунт трутней. Система разрушилась и наступил хаос. В центре событий юный слабохарактерный летописец 1539 и его новая подруга Беатрис (Би), которую он хочет спасти от своих обезумевших собратьев, герои решаются на отчаянный шаг: бежать наружу, в опасный и неизведанный мир. Их путь — это не только бегство от тирании, но и поиск собственной человечности за пределами Улья.

© Груздева Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Яна Груздева

Колыбельная для имаго

Пролог

2026 год. Заголовки газет:

«Учёные объявили о рождении первого ребёнка с помощью роботизированной системы инъекций спермы».

«В Китае представили проект робота для вынашивания эмбриона».

«2026: Китай выпустит первого в мире робота для суррогатного материнства».

«Искусственная матка, генный дизайн и ИИ-няни для эмбрионов: заменят ли биотехнологии естественную беременность?»

Спустя столетия эти газетные страницы превратились в истлевшую пыль, осевшую на обожжённой, безжизненной земле, усеянной воронками от ядерных взрывов. Миллионы городов были стёрты с лица планеты, канули в небытие имена миллиардов людей. Солнце навсегда исчезло за непроницаемым слоем радиоактивных облаков, погрузив мир в вечную, промозглую тьму, изредка разгоняемую лишь всполохами молний или отблеском далеких пожаров. Выжившие животные и растения мутировали, превратившись в причудливых и опасных тварей, а леса превратились в обугленные скелеты, торчащие из серого пепла.

И где-то глубоко в толще скалы, которая когда-то была высокотехнологичным бункером от войны, всё ещё продолжалась жизнь. Здесь, в последнем оплоте человечества, дети продолжали появляться на свет. Но теперь это происходило не только естественным путём. В полумраке коридоров, под мерное гудение систем жизнеобеспечения, из инкубаторских «сумок» — герметичных капсул с искусственной амниотической жидкостью, системой подачи питательных веществ и датчиками ИИ, отслеживающими каждый этап развития, — извлекали новорождённых. Капсулы напоминали маточные оболочки, но были созданы из сверхпрочных полимеров и титана и управлялись алгоритмами, отточенными десятилетиями выживания.

Единственным источником жизни здесь был бесконечный поток воды. В недрах горы, за толстыми стенами из армированного бетона, спрятанные турбины вращались от мощного подземного течения, рождая электричество. Оно питало тусклый свет ламп и, что самое главное, сложную систему вентиляции. Эта система с хрипом и свистом прогоняла через себя загрязнённый, дефицитный воздух с поверхности, очищая его ровно настолько, чтобы он оставался пригодным для дыхания — пусть и был пропитан слабой, но постоянной радиацией.

В самом сердце бункера существовала особая ниша-поле — гидропонная ферма. Под светом мощных электрических фитоламп, излучающих спектр, максимально приближенный к солнечному, росли чахлые растения, дающие жалкий, но стабильный урожай: генетически модифицированная пшеница с ускоренным циклом роста, водоросли, богатые белком, грибы, способные перерабатывать токсичные вещества, бледный картофель и горькая зелень. Это была единственная пища, поддерживающая угасающую популяцию.

Здесь человечество нашло свое последнее пристанище и придумало свои правила выживания — жестокие правила Улья. На вершине иерархии стояла Королева-мать: её тело было изношено бесконечными родами и гормональной терапией, но её воля была абсолютным законом.

Мужчины жили как трутни — безымянные носители семени, существующие под номерами как биоматериал. Их жизнь здесь коротка, но проходит в относительной роскоши и праздности.

Женщины же, наоборот, подвержены изнурительной физической и умственной работе.

Сможет ли такая система существовать долго? Найдутся ли смельчаки или безумцы, которые вспомнят о свободе и бросят вызов этой бездушной иерархии Улья? Или же все они так и будут безропотно исполнять свой долг — молчаливые винтики в машине, единственной целью которой было механическое продолжение человеческой жизни?

Глава 1

— 1539, вставай! — громкий звонкий молодой голос 1540-го ворвался в сладкий сон мальчишки, безжалостно разбивая хрупкие видения.

1539 вздрогнул и приоткрыл глаза. Он уснул за чтением — на груди у него лежала пожелтевшая от времени копия книги "Летопись о минувших днях" — рассказа о старом мире, которого больше не существовало. Ему снились прекрасные сны: бескрайние зелёные луга, лазурное небо и то самое солнце, о котором говорилось в древних текстах, — огромный огненный шар, что когда-то обогревал всю планету. Сладко было представлять всё это: деревья, реки, ветер... Другие его не понимали. Даже древний летописец лишь качал головой, когда 1539 заводил разговоры о прошлом.

— Вчёмдело? — у него лишь получилось сказать фразу сплошняком. Сон всё ещё не отпускал его, обволакивал, как густой туман. Увидеть бы когда-нибудь то, что написано в летописи. Это так называемое солнце...

— Сегодня важный день! — хохотал 1540-й, подпрыгивая на месте. — Сегодня мы с тобой совершеннолетние! С днём рождения, дружище!

Парень стоял у кровати, сияя от радости. Он был одет в белоснежный костюм, сшитый из тонкого волокна, и тапочки из мягкой коры. Одна коса из длинных черных волос, красиво заплетённая и украшенная маленькими блестящими колечками, весело прыгала в такт его движениям. В этой мрачной каменной комнатке с шестью углами, где свет давала лишь тусклая светодиодная лампочка, он сам словно излучал собственное солнце.

— Изъятие детей уже прошло? — хрипло спросил 1539-й, протирая глаза.

— Да, всем детишкам дают сейчас имена и номера, все здоровы, все двадцать. Только королева ещё не понесла, но это нормально — их сестричка задерживается — он улыбался, и его глаза искрились весельем.

— Ну вот, проспал — 1539-й был огорчён. Ему нравилось смотреть, как маленьких новорождённых существ приносят в тронный зал — крошечных, беспомощных, но таких полных жизни. Нравилось видеть, как рыжеволосая жрица нарекала девочек красивыми именами, а мальчишкам выбивала на запястье номер. Это был священный акт посвящения в новый мир, ритуал, связывающий поколения.

— Ты видел это семнадцать раз, но только лет с трёх осознанно, — напомнил, смеясь, ему 1540-й. — В следующем году всё повторится.

Пока шёл их диалог, 1539-й встал, потянулся и заметил на краю кровати аккуратно сложенный костюм. Чьи-то женские бережные руки приготовили его ещё вечером накануне. Всё такое белое, нетронутое, безупречное. В первый раз в жизни он меняет свою повседневную робу с номером 1539 на спине и груди на что-то другое. Костюмы выдавались только на праздник и только с восемнадцати лет — знак перехода во взрослую жизнь.

— Ты можешь позвать прислугу, чтоб заплела тебе красивую косу, — лениво заметил 1540-й, поправляя складки на своём безупречном наряде и недовольно глядя на тщетные попытки 1539-го заплести косу из своих длинных спутанных темно-русых волос. Одна коса означала совершеннолетие, первый год, когда их поколение будут проверять на плодовитость.

— Нет времени, — отрезал 1539-й. Ему не хотелось отвлекать женщин от праздника — они и так много работают ради Улья, ради них всех.

Он быстро ополоснул лицо, шею и руки в глиняном тазу. Вода, принесённая прислугой ещё на рассвете, пахла мятой — слабым, едва уловимым ароматом свободы. Капли стекали по его шее, оставляя прохладные дорожки.

Надев костюм, он взглянул в мутное зеркало, покрытое сетью царапин. На него смотрел незнакомец. Блестящий брючный костюм из белого шелка струился по фигуре, тапочки

из бересты, выкрашенные в кипельно-белый цвет, казались невесомыми, а рубашка из натурального хлопка приятно холодила кожу. Легкая небрежная темно-русая коса спускалась чуть ниже плеч. Янтарно-карие глаза светились в предвкушении чего-то нового. Губы незнакомца дрогнули в неуверенной улыбке. Нежели это он?...

— Кстати, сегодня ещё и день выбора летописца, — как бы вскользь проговорил 1540-й, собирая их нехитрый скарб в холщовый мешок.

— Когда? Во сколько? — резко напрягся 1539-й. Его сердце забилося чаще. Стать летописцем — значит прикоснуться к истории, к прошлому, к тому миру, о котором он так мечтал.

— Возможно, уже выбирают. Тебе это зачем? — крикнул вдогонку 1540-й. Но 1539-й, только что очнувшийся ото сна, сонный и неуклюжий, уже бежал со всех ног к тронному залу, позабыв обо всём.

Смеясь, 1540-й продолжил собирать их скудные запасы — всё, что они нажили вместе с 1539-м, живя в одной соте, так как их номера шли подряд. За эти годы они стали не только соседями, но и лучшими друзьями, делившими радости и горести. Собрав все вещи — потрёпанную копию летописи, робы, пару запасных рубашек — он окинул взглядом своё бывшее жилище. Никакого сожаления не блеснуло в его серых глазах. Сегодня они с другом переезжают на этаж, предназначенный для половозрелых мужчин. Он был счастлив в своём неведении, не подозревая, что скоро всё изменится — и их дружба, и их мир, и сам Улей.

1539-й бежал по узким, техническим коридорам. Сырой, пропахший озоном и стерилизующим раствором воздух обжигал горло. За очередным крутым поворотом, где тусклая аварийная лампа отчаянно мигала, грозя вот-вот погаснуть, он почти врезался в девушку.

На ней была стандартная серая рабочая форма лаборантки — дешёвая синтетика, местами прожжённая кислотой, с въевшимися намертво пятнами крови и машинной смазки. Пять светлых, почти белых кос небрежно свалились на плечах. Бледное лицо, тонкие губы, под глазами синева от недосыпа — ничего в её облике не должно было будоражить сердце. Она была обычной девушкой, изъятой когда-то из такой же инкубаторской сумки, как и он сам. И из какой вытаскивала она новорождённых не более часа назад. И сейчас, судя по свежим красным брызгам на рукавах, шла переодеваться, чтобы успеть на праздник нарядной.

И всё же он замер на долю секунды, встретившись с ней взглядом. Его собственные глаза — янтарно-карие, живые, горячие — на секунду утонули в её глазах. Они были серыми. Бездонно-серыми, как бетонные стены этого коридора. Они посмотрели сквозь него. Равнодушно. Устало. Для неё он был просто номером, таким же продуктом системы, как и те, кому сегодня первый день жизни.

1539-й молча двинулся дальше. Девушка — в другую сторону. Но эту секунду — стук собственного сердца, запах её волос, смешанный с запахом крови, этот короткий обмен взглядами, он будет вспоминать всю свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.